

Выйдя из душа, она заметила свою одежду, которая была ужасно сложена на полке в ванной. Несмотря на холод, она почувствовала себя немного лучше, когда переоделась. Покинув ванную комнату, она увидела Узумаки-куна в его семейных трусах, который дожидался её с широкой улыбкой. Хотя она и была полностью одетой, она чувствовала себя абсолютно нагой перед его пристальным взглядом.

«Нэ, Най-тян» – радостно окликнул её Наруто, пытаясь взять за руку.

«Не называй меня Най-тян» – крикнула она ему, отскакивая на шаг назад. Он напрягся, так как удивился этой её вспышке гнева. Без лишних слов она указала ему на душ, и он осторожно отправился туда, чтобы также помыться. Когда Наруто вышел из ванной, он обнаружил её за обеденным столом. Она указала на единственный обеденный стул, который у него был, приказывая ему: «Присаживайся.»

«Ты в порядке?» – осторожно поинтересовался он, делая то, что она сказала, когда его глубокие голубые глаза пристально вглядывались прямо в её большие красные глаза. «В чём дело? Я сделал что-то не так?»

«Узумаки ...» – Куренай была не в состоянии даже правильно излагать свои сумбурные мысли. Во всём этом было столько всего неправильного, когда не на последнем месте среди этого, было то, насколько энергично она приняла участие в их совокуплении. Она бы рассердилась на него, если бы не её собственная роль в этом, когда в первую очередь она сама позволила этому случиться.

«Мм, я могу лучше» – попытался перебить её Наруто. «Обещаю, в следующий раз у меня получится лучше! Просто дай мне ещё один шанс!»

С протяжным выдохом она продолжила: «Прошлой ночи не должно было быть, и таких ночей больше не будет. Я не только на восемь лет старше тебя, но и выше тебя по рангу. И поскольку я не могу возложить всю вину только на тебя, это будет нашей взаимной ошибкой, которая никогда не повторится.»

«Ч-но это не было ошибкой!» – начал спорить Наруто, вскочив на ноги. «Это было превосходно! Лучше не придумай! В этом нет ничего плохого.»

«Ещё как есть!» – не могла не огрызнуться в ответ Куренай. Конечно, маловероятно, что юноша, достигший половой зрелости, откажется от возможности лишиться девственности, особенно оказавшись перед женщиной, которая принимает его так же хорошо, как Куренай, но это не означает, что он не мог её остановить. Если бы он не был так назойлив, если бы она не была такой ... ужасно удручённой и страдающей от тяжёлого удара, когда её отверг единственный мужчина, которого она любит по-настоящему; так что, если бы она не была настолько пьяна, если бы её мир не перевернулся вверх дном прошлой ночью, то всё оставалось бы как прежде.

«Тебе не понять, насколько это неправильно, потому что ты ещё ребёнок, который не знает

ничего лучшего» – настояла на своём Куренай.

«Ч-ладно, если ты такая взрослая, то почему тогда прошлой ночью всё было в порядке» – ответил Наруто. «Тебе ведь всё нравилось, так ведь? Ты кончила именно так, как ты сказала, как это делают девочки. Значит тебе понравилось! И я может и молод, но в первую очередь я ниндзя!»

Она произвела ещё один продолжительный вздох, а затем осторожно произнесла: «Узумаки-кун, рамен, это же твоя любимая еда, не так ли?» – спросила она, решив попробовать другую тактику, на что он начал неистово кивать. «Если бы я купила очень большую порцию: именно того рамена, который тебе нравится – и бросила бы её на землю, что бы ты почувствовал в этот момент?»

«Ч-ты не посмеешь! Это неправильно, это разобьёт мне сердце. Я бы, я бы, наверное, подрался с тобой или же просто очень разозлился» – с лёгкостью ответил он, позволив представленной мысленно картине подстегнуть его пылкую речь.

«Что, если бы я чувствовала себя действительно хорошо, сделав это? Я бы купила несколько порций: именно тех, какие тебе нравятся – и просто начала бы бросать их в грязь» – продолжала она свой допрос.

Его глаза широко раскрылись от испуга, и он легко ответил: «Тогда я определённо надеру тебе задницу! Ты не можешь так поступить! Если ты не собираешься его есть, не покупай его!»

«Не существует никаких правил, которые бы запрещали мне делать то, от чего я чувствую себя хорошо, тем более я покупаю рамен за свои деньги» – заявила Куренай, наблюдая за тем, как растёт его замешательство, а затем уточнила: «Я хочу сказать, что, даже если что-то заставляет тебя чувствовать себя хорошо, это ещё не значит, что это даёт тебе свободу поступать таким образом. Несмотря на то, что нет запрещающих это правил, все согласятся, что покупать еду только для того чтобы выбросить её, это расточительно и неправильно. В цивилизованной деревне у общества существуют определённые ожидания к поведению каждого отдельного гражданина, например, не занимайся расточительством; ешь то, что купил. Не убивай, не насилуй, не занимайся вандализмом, это ещё несколько примеров, но для них существуют установленные правила. Исходя из этого, ты не станешь спать с человеком, который на восемь лет младше тебя! Если бы ты не был генином, это было бы вне закона, и меня посадили бы в тюрьму.»

«Чего!?» – выпалил Наруто. «Но это же не убийство или что-то в таком роде!»

«Я пытаюсь донести до тебя, что просто из-за того, что что-то хорошо для тебя, это что-то не становится правильным для общества. Мы не должны были заниматься тем, чем занимались.»

Она без особого труда разглядела, как пришли в движение шестерёнки его разума, после чего он спросил: «Но ... Но я же Генин, правильно? Так ... так что это означает, что всё в порядке» – начал рассуждать Наруто.

«Всё равно не в порядке!» – настояла Куренай. «Ты не должен был делать этого со взрослым человеком!»

«Меня не волнует то, что я должен делать» – прокричал Наруто в ответ. «Если бы всё, что я когда-либо делал, было бы тем, что я “должен делать”, то я даже не был бы ниндзя! Я бы не стал подталкивать Джи-чана к моей эманс ... имантипа ... к деланию меня взрослым, чтобы я мог жить самостоятельно. Я бы, наверное, всё ещё жил в приюте, мучился, и даже не помышлял бы о том, чтобы стать абсолютно лучшим Хокаге всех времён! Я не позволю людям, которых я не знаю, которые даже не заботятся обо мне, говорить мне, что я могу или что я не могу делать!»

Куренай не могла не уловить некоторых ключевых фраз в его эмоциональной тираде. Эмансипированный взрослый, который страдал во время своего пребывания в приюте, однако её любопытство вызвал другой небольшой момент, а именно: кто такой этот Джи-чан, который помог ему эмансипироваться. Это была очень откровенная речь, и она, безусловно, дала аналитическому мышлению Куренай больше понимания того, почему шумный несносный блондин являлся таким, каким он является. Это было бы едва не замечательно, если бы он обладал какими-то умениями или способностями, которыми мог бы похвастаться. Также это заставило её задуматься над его взглядом на то, что они сделали. “Для него это просто тренировка. Самое большее – тренировка с партнёром” – мысленно выдвинула она гипотезу. Желая проверить своё предположение, она спросила: «Узумаки-кун ты любишь меня?»

Застигнутый врасплох этим вопросом, он на мгновение начал его обдумывать, выглядя комично, когда его щёки покраснели, после чего он ответил своим собственным вопросом: «Это похоже на дорогого тебе человека? Вроде Джи-чана, Теучи-джиджи, Аяме-ни или Ируки-сенсея?»

“Похоже, он не совсем понимает любовь” – сделала вывод Куренай, после чего ответила: «Нет, я имела в виду романтическую любовь; например, к девочке?»

«Мнн, Я ... я не знаю. Я хочу сказать, что я очень рад, что ты помогаешь мне, и с тобой мне было очень-очень хорошо» – Куренай не могла не начать краснеть, когда мальчик мгновенно вызвал у неё вспышки воспоминаний, возникшие, как в её уме, так и в её теле. Если судить по его покрасневшим щекам и по тому, как он ёрзает из стороны в сторону, было не трудно догадаться, что он также вспоминает прошлую ночь. «Я бы определённо защитил тебя, без вопросов, но ... но я всё ещё много думаю о Сакуре-тян ... хотя я и понимаю, что никогда не смогу быть с ней ...» – уныло произнёс он. Как ни странно, Куренай прекрасно это понимала. «Но я думаю, что пока она счастлива и сильна, со мной всё будет в порядке. Кроме того, я всё ещё могу защитить её, если ей это понадобится.»

Обычно, во время сеансов с Хинатой-тян Узумаки не позволялось говорить о других девушках, поэтому Куренай не слышала раньше ничего подобного. Для Куренай было немного удивительно, что у него есть такая сторона, и, хотя она была абсолютно уверена, что он видит в их связи нечто большее, нежели обучение, она сказала ему: «Послушай, мы никогда не сможем заняться этим снова. Будет нехорошо, если кто-нибудь узнает. Если другие узнают об этом, может наступить множество ужасных последствий, для тебя, для меня, для моих учеников, и мне никогда не хотелось бы, чтобы это случилось.»

Наруто с любопытством наклонил голову и спросил: «Так ты хочешь сохранить это в секрете?»

«Да» – подтвердила Куренай. «В строжайшей секретности. Никто и никогда не должен узнать об этом, без исключений.»

«Ну, я действительно хорошо умею хранить секреты» – ответил он ей с яркой улыбкой. «Я даже держу свои тренировки в секрете!»

«Ладно, здорово» – поддакивала ему Куренай, так как он понимал это.

«Значит, мы можем тренироваться, пока никто не знает» – предложил он.

Куренай почувствовала, что заходит на минное поле, однако ответила: «Нет и нет, мы не можем, мы никогда не сможем сделать это снова. Это неправильно, по многим причинам.»

«Но я многому научился» – ответил Наруто. «Как ты это себе представляешь, что я вернусь к книгам и картинкам после этого?»

«Узумаки-кун, я не думаю, что смогу продолжать помогать тебе ... с тем, с чем помогала. Я думаю, что на этом мы должны закончить» – тихо произнесла она, однако для Наруто это могло прозвучать как выстрел из пушки. Он пребывал в оцепенении, пока не услышал, что она собирается уходить.

«Стой, подожди» – бросился он за ней, преградив ей путь. «Ты же обещала! Ты же сказала, что поможешь!»

«Я не могу больше заниматься этим» – настояла Куренай, уходя.

В отчаянии он последовал за ней. «Но ... Но ведь всё было хорошо, правда? Тебе ведь понравилось, так же? Пожалуйста, я смогу лучше! Ты не должна бросать меня» – умолял он, обнимая её за талию, пытаясь задержать ... чтобы сохранить ещё одну связь, которой он обзавёлся, чтобы его не оставляли.

С удивлением, но всё ещё опечаленная, она слабо запротестовала: «Узумаки ...»

«Ничего страшного, если никто не узнает, верно? Я ничего не расскажу, так, так, так что, просто останься» – попытался он дрожащим голосом. «Или я тоже стану Джонином, если ты хочешь. Тогда всё будет в порядке, когда мы будем одного ранга! Отлично же будет, нэ?»

«Узумаки-кун, отпусти меня, пожалуйста» – мрачным голосом попросила она, и после некоторых колебаний, он медленно отпустил её.

Она обошла его и отправилась к двери, а он продолжил стоять на своём, высказывая свои жалкие аргументы. «Я уже знаю дзюцу В-ранга, и сейчас я изучаю дзюцу А-ранга. Ещё немного времени, и я смогу довести это дзюцу до S-ранга. Много времени не понадобится, обещаю, это не ... Пожалуйста, Най-тян.»

Открыв дверь, она задумалась над тем, чтобы попытаться успокоить его, пригрозить ему, объяснить ему, почему это не имеет ничего общего с рангом, а также уточнить, что должно произойти и почему, но вместо этого она просто ушла, закрыв за собой дверь.

<http://erolate.com/book/1099/27697>